Баллада о русском пограничнике

Анатолий Антонов

SHOUT
SHARE
IT

- Антонов Анатолий

Антонов Анатолий
Баллада о русском пограничнике

АНАТОЛИИ АНТОНОВ

БАЛЛАДА О РУССКОМ ПОГРАНИЧНИКЕ

После окончании курсов в Центре подготовки пограничных войск в Нахичевани (Азербайджан) отличника боевой и политической подготовки Евгения Решетникова распределили на самый сложный участок - заставу имени Героя Советского Союза пограничника Бабушкина. Расположенная около городка Джульфа застава охраняла границу сразу с двумя государствами: Ираном и Турцией. Горная река Араке метров пятьдесят шириной делила Джульфу на советскую и иранскую части. На окраине советской и находилась застава, где в 1966 году Евгении заступил на боевое дежурство.

Вот несколько эпизодов из его почти четырёхлетней службы.

20 ноября 1967 года заставу подняли в ружьё! В четыре часа утра с иранской стороны вторгся отряд из двухсот бандитов. Разнонациональное отребье просто решило сходить в сытый и благополучный Азербайджан и "мало-мало" пограбить.

Когда в семи километрах от заставы по нашим пограничникам бандиты открыли огонь, у Евгения было два рожка с патронами: один - в автомате, другой - запасной. У соседа патроны закончились раньше. Евгений бросил ему запасной рожок, а через несколько секунд патроны кончились и у него. Оглянувшись в поиске подносчика патронов, он увидел дуло чужого автомата.

Бандит лет тридцати стволом показывал ему - к скале; в кураже выстрелил два раза мимо, намереваясь третьим выстрелом покончить с Евгением. Но в этот момент, оттолкнувшись от скалы, тот бросился бандиту в ноги. Завязалась схватка, и Евгению удалось всадить в бандита штык-нож.

Исход боя оказался для заставы удачным: к шести утра, отбив нападение, пограничники не обнаружили в своих рядах даже раненых. Но убитый Евгением бандит оказался сыном местного вождя. И какое-то время на заставе ожидали мести со стороны родственников. Пошли слухи о переводе Евгения на другую заставу, но зам. по разведке отстоял - нельзя разбрасываться такими кадрами! А через три недели предложил Евгению перейти в группу особого назначения.

Внешне для него ничего не изменилось. Но теперь в свободное время от службы время Евгений изучал иранскую

местность на глубину до пятидесяти километров; обучался свободному чтению топографических карт; умению быстро и подробно чертить на чистом листе бумаги план местности любой сложности; основам разговорной иранской речи; умению убивать противника быстро и бесшумно. И хотя разведчиками их официально не называли, по существу, конечно, они были группой разведки.

Какие есть у всех государств.

Основная задача группы - проводить через границу армейских разведчиков. После трёх месяцев обучения пошла обычная пограничная жизнь плюс другая тайная. Задания ставились разные: доставить на ту сторону одного или несколько человек на расстояние до пятнадцати километров; или взять оттуда человека и привести к нам. Причём время встречи на той стороне назначалось с точностью почти до секунды - что и выполнялось неукоснительно.

В подобных рейдах участвовали от трёх до десяти человек. Но инцидентов с иранскими пограничниками у группы Евгения никогда не было.

- Эти годы - лучшие в моей жизни,- рассказывает Евгений Сергеевич.Во-первых, было интересно - учиться и охранять границу. А во-вторых, застава - это иной мир, где все живут единой и дружной семьёй. Честь старшему по званию никто никогда не отдавал - было не принято. Молодых берегли, учили всему, что знали и умели сами: на границе каждый зависит от профессиональных навыков напарника по наряду. "Батю" нашего, начальника заставы майора Алексея Ивановича Князева, отслужившего двадцать пять лет в погранвойсках, настолько все любили и уважали, что ему никогда чтолибо приказывать не приходилось. Он только глазами указывал - и любой умереть был готов, а задачу выполнить.

На каждом метре границы пограничников не расставишь и всех ухищрений желающих её нарушить не предусмотришь. Бывали случаи, когда нарушители проскальзывали сквозь наши заслоны и уходили на иранскую территорию, а иногда и на нашу. Фактически это ЧП.

И за три года шесть месяцев, четырнадцать дней и пять часов службы Евгения на границе лишь один раз такое нарушение осталось безнаказанным.

На их заставе подобного не спускали никогда и никому, а работала по всем таким случаям их группа. Как-то на территории Азербайджана задержали нарушителя лишь на пятые сутки.

Обычно же всё заканчивалось быстрей. С прошедшим в сторону Ирана было, естественно, сложнее. Но только никто и

подумать не мог допустить ЧП на заставе, подвести батю - моментально за нарушителем устремлялась спецгруппа. Нарушитель, отойдя от границы в глубь своей территории километров на пять, с наступлением рассвета делал привал, думая, что теперь-то он в безопасности. Тут-то и брали его тёпленького и через часдругой приводили на заставу.

Лишь однажды отступили от подобного правила. Границу перешёл опытнейший нарушитель, знавший секреты, составлявшие государственную тайну.

Проход обнаружили не сразу. Время ушло, группу посылать было рискованно. И тогда вызвался самый сильный, опытный и умелый, товарищ Евгения по спецгруппе. "Умру, - обещал он,- а принесу эти секреты обратно". Вернулся он следующей ночью. И, осторожно опустив вещевой мешок к ногам командиров, сказал: "Очень уж большой и несговорчивый оказался, секреты здесь". В вещмешке оказалась голова нарушителя. Разведчик обязан был доказать выполнение задания. На войне - как на войне. Но подобные случаи, как и гибель наших пограничников во время отражения бандитских налётов, были единичны.

7 ноября 1969 года Евгений, как обычно, заступил в наряд. Из-за праздника застава жила в усиленном режиме ещё с 25 октября. Это были частые и тщательные проверки документов, транспорта и груза у населения в приграничной зоне, а главное - увеличились места контроля.

Требовалось больше пограничников, и, как следствие, в течение трёх недель спать в сутки им удавалось не более четырёх-пяти часов. Усталость накапливалась. Тем не менее наряды никто не отменял. И после тяжёлого дня Евгений со своим напарником-первогодком с 23 вечера до 4 утра заступил на охрану государственной границы.

Евгений отвечал за участок метров сто длиной. Слева и справа такие же участки с двумя пограничниками, но подконтрольные Евгению: и как ефрейтору, и как одному из спецгруппы, и как старослужащему. Приняв границу, он прошёл по всему участку и доложил по проводному телефону на КП - всё в порядке. Около двенадцати ночи Евгении решил: можно немного и прикорнуть. Конечно, это было нарушение, но... допускалось иногда пограничниками. А для этого выбирали в камнях нишу, укрытие, ремень автомата наматывали на руку, автомат под себя и - отключались. Одной минуты на засыпание хватало вполне.

"Отдыхай, Витя,- скомандовал Евгений молодому напарнику,- минут тридцать у тебя есть". Евгению, чтобы отдохнуть, достаточно было поспать пять минут. Молодому же надо дать

времени побольше. Пока напарник спал, Евгений смотрел за своим участком. Только в фильмах на ночной заставе показывают глухую тишину. В действительности тишина на границе звонкая: то шакал закричит - как ребёнок заплачет, то зашумят крылья ночной птицы, то ветка хрустнет. Подошёл срок, поднял Евгений напарника. Минут пятнадцать походил с ним по участку, чтобы тот пришёл в себя. "Теперь,- командует Евгений,- я на десять минут, сразу поднимешь, как придёт время". И ушёл в укрытие.

Проснулся Евгений сам минут через пятнадцать от тревожного ощущения.

Прислушался - тишина, но неестественная, глухая. Первая мысль: где молодой? Скосив глаза, увидел его на открытом месте, привалившимся к скале, спящим. В мгновение подскочил к нему, дотронулся до плеча. Тот вскочил, но без автомата. Где он? Но молодой только растерянно мямлит. Может, пошутил проверяющий офицер? Звонок на соседние участки проверяющих не было. Евгений понял, что дела плохи, и позвонил на неподконтрольный ему участок земляку-ростовчанину - старослужащему с собакой. Через минуту тот прибежал и обнаружил: с той стороны приходили двое. В полутора километрах отсюда на иранской стороне находился их пост: стандартное строение из белого известняка с плоской крышей, с окнами без стёкол, метрах в тридцати от воды. Следы вели к реке по направлению к этому посту.

Всё стало понятно. Времени на размышление не было. Евгений представил себе позор, на который обрёк не только себя, но и всех дорогих ему людей. Бате год до пенсии остался, много лет он был лучшим начальником заставы по всей южной границе. Ответственный дежурный - замначальника заставы по разведке, майор, прямой шеф Евгения, столько в него вложил...

Но он ещё может успеть перехватить иранцев на обратном пути и вернуть оружие. И Евгений отдаёт напарнику свой автомат: "Кто бы ни пришёл, кто бы ни спрашивал - отвечай: он где-то здесь, пошёл по участку. А я постараюсь побыстрее". Ростовчанин предлагает в помощь себя и собаку - ведь там, на посту, жандармов семеро, но Евгений отказывается: "Достаточно одного нарушения. А потом вдруг автомат - это предлог. Они уйдут, а в это время на ослабленные участки нападут бандиты?"

Сбросив всё лишнее (температура плюс 12°), в брюках и гимнастёрке с одним штык-ножом на поясе пошёл Евгений на другую сторону. Араке преодолел легко, без заминок добрался и к посту жандармов. В их домике темно и тихо, все спали. Немного постоял перед входом - а может, засада? Ведь с момента их ухода с участка прошло не больше часа. Приготовившись к

неожиданностям, Евгений проскользнул в полуоткрытую дверь. Спавшие лежали на соломе, на кирпичных примитивных лежаках. Может, притворяются? Стоит ему пройти в середину комнаты - и они накинутся все разом. По всем разбойным правилам они должны были сейчас отмечать свой успех - русских обобрали! А если спят, то значит, они либо ни при чём, либо автомат уже гдето в другом месте. А в каком, где? Следы вели явно в их сторону, значит, в первую очередь надо обследовать оружейную пирамиду. Он знал, где она находится, знал, что у них она горизонтальная да ещё и застеклённая. Посмотрел на храпящих, сразу увидел старшего, так как помнил его в лицо.

Прокрался к пирамиде. Но разглядеть что-либо за стеклом невозможно. А главное - пирамида была под замком.

Примитивным, но срывать не будешь, нельзя издавать и шороха. Ключ может быть только у старшего. Подкрался к нему. Ещё раз убедился: это именно он, и слегка толкнул в плечо. В момент его пробуждения, между 3-м и 4-м ребром, штык-нож в сердце. В такой ситуации человек умирает без шума. Сонный - может захрипеть. Проснувшийся - издать горловой звук. В момент пробуждения - самый тихий способ. Быстро осмотрел карманы жандарма - ключа в них не оказалось. В груди похолодело: неужто пришёл не туда, автомата здесь нет, а человека убил зря? Время подпирает, в помещении из-за луны то темнеет, то светлеет. Но он чувствовал - автомат здесь! И кто-то из спящих об этом знает и в том повинен. Тогда Евгений нашёл заместителя старшего.

Минуту концентрировался: не так-то просто убивать человека. Затем ударяет ножом. Залез в карманы - есть ключ! Моментально к пирамиде, открыл: М-16, длинноствольные винтовки и... разобранный наш Калашников!

С ликованием в сердце разобранные части автомата вместе с патронами рассовал по карманам, прикрыл пирамиду, что-то взял в правую руку (левая должна быть свободной, она отбивает нападение и захватывает противника) и пошёл к двери. Но, перешагнув порог, нос к носу столкнулся с ещё одним жандармом. Рослый, на полголовы выше Евгения, который сам под метр девяносто. Евгений узнал его - точно из этой семёрки! И почему он их сразу не пересчитал?! На недоуменном лице жандарма Евгений видит немой вопрос: "Чего надо?" Они непроизвольно даже кивают друг другу, но правая рука Евгения уже перебрасывает деталь автомата в левую и выхватывает нож. Только теперь сделать всё бесшумно не удаётся.

Жандарм вскрикивает. Слыша за спиной крики, Евгений напрямую, не маскируясь, но петляя, так как ожидал выстрелов, нёсся к реке. Увидал, что на нашей стороне пограничники встали

в рост с автоматами наизготовку, демонстрируя возможность прикрытия Евгения огнём. В воде постоянно нырял, старался находиться меж валунами. Реку пересёк минуты за три и, только отбежав от берега и упав в кусты, оглянулся. Жандармы, потоптавшись на берегу, отчаянно жестикулируя, повернули обратно.

Конфликт обозначился, но замер. На весь рейд времени ушло менее часа.

Прибежал на участок. Ничего не объясняя, кинул детали автомата молодому напарнику: "На собирай, если чего не хватает..." Но детали были все, даже и патроны. Евгений связался с КП: "Всё в порядке, нарушений нет". "А с тобой?" - видимо, зам. по разведке что-то почувствовал в голосе. "В норме",ответил Евгений.

Под утро их сменили. Они легли спать, а в восемь утра на заставе переполох. Приказано поднять ночные наряды, доложить, как проходило дежурство. Оказалось, иранская сторона на месте официальных встреч на мосту подняла большой флаг (бело-зелёножёлтый, 2Х3 метра), что, согласно международному протоколу, означало:

есть пограничный конфликт, на переговоры вызывается военный представитель в ранге не ниже командующего Закавказским пограничным округом.

Значит, произошло нечто экстраординарное. После большого флага могло последовать обращение в МИД, и тогда конфликт переходил из пограничного в межгосударственный. Существовал и малый флаг треугольной формы, поднимавшийся для решения местных проблем - тогда на связь вызывался начальник заставы или дежурный.

Командование заставы попало в нелепое положение: иранская сторона объявила о конфликте, на разбирательство уже вылетел генерал (время встречи обозначено строго), а им никому ничего не известно, потому что ночные смены доложили - происшествий нет!

Ночная смена через кабинет начальника заставы проходила быстро. Его заместитель вышел в коридор, чтобы пригласить следующих. Пробегая взглядом по шеренге ожидающих, остановился, увидев лицо молодого напарника Евгения. "Так. Все свободны. Ты,- обратился к нему,- и ты тоже,- пальцем в Евгения,- заходите". "Рассказывай", - потребовали от Евгения. "За время несения службы нарушения границы не обнаружено!" - отрапортовал тот. Шеф по разведке внимательно на него посмотрел: "Свободен. Подожди в коридоре". Через пять минут молодого кудато увёл подошедший капитан. Евгения было

зазвали обратно, да выручил садящийся вертолёт: прилетел озабоченный командующий Закавказским пограничным округом генерал-майор Песков.

Начальник заставы и генерал сразу поехали на встречу, шеф по разведке тоже исчез, бросив Евгению: "Пока свободен". Застава затаилась.

Машина с генералом и батей вернулась через час, но настроение у сидевших в ней кардинально изменилось - они улыбались. А произошло с ними вот что.

Иранская сторона заявила протест в связи с тем, что прошедшей ночью с советской стороны на пост иранской жандармерии было совершено бандитское нападение группой неизвестных лиц. Группа, вырезав полпоста, беспрепятственно ушла обратно. Наш генерал попросил два часа для выяснения обстоятельств и выехал на указанное иранцами место конфликта с лучшими кинологами и собаками. Через десять минут спецы выяснили: с иранской стороны на советскую приходили, а потом ушли два человека; с советской на иранскую уходил один человек и тоже вернулся. Вывод лежал на поверхности: два иранских жандарма незаконно пересекли границу СССР и силой увели советского пограничника.

Добывая себе свободу, он убил в неравной схватке трёх жандармов. Версия казалась тем более безупречной, что, пока начальство распивало чаи под деревом, дожидаясь условленного часа для второй встречи с иранцами, во дворе заставы появилась овчарка.

Подбежав к сидевшим на лавочке пограничникам, она ткнулась носом в сапоги Евгения, уселась на землю и глухо лайнула. Евгений похолодел, хотя собачий демарш ничего неожиданного ему не дал, напарник его наверняка всё, что знал, передал начальству.

Через два часа генерал рассказал иранцам о геройском поведении в плену советского пограничника и о том, какие нехорошие иногда бывают иранские пограничники. А заодно поинтересовался: остались ли ещё у иранской стороны претензии к советской стороне. Претензий не осталось, большой флаг был спущен.

Ещё несколько раз подступало начальство к Евгению, но ничего не добилось. Генерал перед вылетом вызвал Евгения. "Ну что, расскажешь, как было дело?" - "Никак нет, товарищ генералмайор, не было никаких происшествий!"

- "Ладно, сынок, у меня ещё служба долгая, я подожду". С тем и улетел.

10 января 1970 года вышел приказ о демобилизации. С

заставы увольняли в запас по одному-два человека, чтобы не оголять границу. Евгений уходил первым. Его доставили в Нахичевань, а оттуда в 18.05 отходил поезд в Ростовна-Дону. Уже до поезда часа полтора остаётся, время собираться на вокзал, как вдруг сообщают - явиться к генералу. Так всё и ёкнуло внутри у Евгения:

опять врать, выворачиваться. Заходит, докладывает о прибытии. "Ну-ну,перебивает генерал добродушно,- я же обещал тебе, что дождусь. Рассказывай подробности". Подполковника какого-то вызвал, по виду особист. Тот сел в стороне, тоже слушать приготовился.

Евгений принялся было за старое, но генерал перебил: "Брось, я же тебя до сегодняшнего дня не трогал. Меня только подробности интересуют". Евгений чуть ли не со слезами на глазах: "А майору, начальнику заставы, от моего рассказа ничего не будет? Он не пострадает?" - "Да если он таких бойцов воспитывает, кто же его упрекнёт? Не бойся, всё будет в порядке с твоим батей, вот тебе моё елово".

И тут Евгений раскололся: не уследил за молодым, потерял бдительность, а когда всё увидел, решил любой ценой вернуть оружие. Страх и за себя был, конечно, но прежде всего за заставу, за батю - что их подвёл. Пошёл туда. Нашёл автомат. Троих пришлось убить.

Короткими фразами докладывал Евгении. Генерал обратился к подполковнику: "Да, молодец начальник заставы, хорошо воспитал. Ну что, сынок, и ты молодец. На твоём месте я бы поступил точно так же. Откровенно - тебе положен орден Красной Звезды.

Но ошибку ты допустил, хотя хватило мужества и умения её исправить. А поэтому возьми-ка вот это на память и в знак моего личного уважения". И подаёт генерал Евгению "командирские" часы - юбилейные, позолоченные.

"Носи, сынок, на память о службе на границе. Не опоздаешь на поезд?" Евгений коробочку эту с часами к груди прижал, как Звезду Героя, волнуется, счастлив. Оттого, что наконец-то раскрылся, хотя ему и с самого начала особо стыдиться было нечего, но боялся он товарищей подвести. Оттого, что генерал его понял и так тепло, так почеловечески с ним попрощался. Оттого, наконец, что неожиданный и потому ещё более ценный подарок получил.

"Служу Советскому Союзу! - вскинул он ладонь к зелёной фуражке.- Никак нет, не опоздаю, товарищ генералмайор!". Пожал ему руку генерал, похлопал по плечу и отпустил.